

УТВЕРЖДАЮ:

Первый проректор

федерального

государственного

бюджетного

образовательного

учреждения

высшего

образования

«Московский педагогический

государственный университет»,

академик РАО

доктор географических наук, профессор

Дронов Виктор Павлович

08. 07

2020 года

Отзыв

ведущей организации – федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет», о диссертации Бояркиной Полины Викторовны «Онегинский тип: литературная эволюция», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Исследование П.В. Бояркиной выполнено в русле актуальной для современного литературоведения проблемы литературного канона, в рамках которой исследуется историческая судьба устойчивых литературных типов и тесно связанная с нею проблема вариативности воплощения этих типов в творчестве разных авторов. Причастность к исследованиям такого рода («Русский литературный канон» И.Н. Сухих, «Западный канон» Г. Блума и др.) определяет **актуальность** диссертации П.В. Бояркиной. Ее **методология** строится на органическом сочетании генетического, сравнительно-исторического, сравнительно-типологического и рецептивного методов к изучаемому материалу.

Цель исследования П.В. Бояркиной – «эксплицировать общую линию преемственности, которая через пушкинский роман связывает представленных в русской традиции героев «онегинского типа» как между собой, так и с героями европейской литературы начала XIX в.» (с. 2 автореферата). Поставив перед собой такую цель, соискательница логично формулирует те **задачи**, которые необходимо решить для ее выполнения. К ним относятся: 1) определить используемое в ходе работы понятие «литературный тип»; 2) с опорой на результаты многочисленных исследований, посвященных европейским источникам «Евгения Онегина»,

дать типологию европейских героев, с ориентацией на которых создавался образ Онегина; 3) выявить в русской литературной традиции 1820–1880-х гг. героев онегинского типа; 4) проследить, как на разных этапах развития русской литературы меняется жанровая природа произведений, в которых появляются герои онегинского типа; 5) проанализировать исторические трансформации героев онегинского типа (автореферат, с. 2)

Таким образом, целевые установки диссертации органично объединяют в себе теоретический и историко-литературный аспекты исследования, что, на наш взгляд, способствует продуктивности исследования: теория «литературного типа» со всей полнотой раскрывает себя в его литературной истории; с другой стороны, исходная теоретическая концепция помогает верно понять и выстроить вектор литературной эволюции исследуемого типа. Осуществляя подобный подход, автор опирается на работы Л.Я. Гинзбург («О литературном герое») и С.Г. Бочарова («Характеры и обстоятельства»), что обеспечивает надежную **теоретическую основу** исследования. Давая определение «литературного типа», соискательница специально акцентирует в нем доминирование «общечеловеческих», «вечных» свойств человеческой личности, которые не просто пассивно отражают свое время, но, в известной степени, это время «опережают», не просто регистрируют те или иные типы во внеположной действительности и буквалистски их копируют, но эту действительность формируют, задавая вектор развития. В этом теоретическом контексте соискательница специально подчеркивает отличие своей концепции от концепции «типа» как социального по преимуществу явления, получившей распространение в эстетике «натуральной школы» благодаря критической деятельности ее идеолога – В.Г. Белинского. В типе ей важна не жесткая связь с породившей его реальностью, а заключенные в нем духовные *возможности* развития, выходящие за рамки своего времени и связующие этот тип с прошлым и будущим культурной истории человечества. Тип ее интересует не как окончательно определившийся и отлитый в социальную форму поведения человеческий характер, а как тип мироощущения, заключающий в себе альтернативу разных возможностей и продолжений, которые могут в данном тексте только предчувствоваться или намечаться, но затем получают свое воплощение в будущих созданиях отечественной литературы. Эта концепция, восходящая к работам С.Г. Бочарова и продемонстрированная им с наибольшей полнотой и убедительностью на материале «Евгения Онегина», во многом определяет как саму теоретическую основу диссертации, так и методику анализа «онегинского типа» в произведениях других авторов-классиков. Она подкрепляется в диссертации концепцией М. М. Бахтина о романе как о «единственном *становящемся* и еще не *готовом* жанре», который обладает «смысловой незавершенностью» и вступает «в живой контакт с неготовой, становящейся современностью». «Становящийся» жанр предполагает и «становящегося» героя: «В условиях романа преодолевается

характерная для других жанров <...> *завершенность и овнешненность* человека, его полная исчерпанность судьбою и положением». Теоретические положения С. Бочарова, М. Бахтина и развивающей его идеи Ю.М. Лотмана (статья «О сюжетном пространстве русского романа XIX столетия») дают возможность определить и сердцевину концепции «литературного типа» в диссертации П. Бояркиной. В эволюции «онегинского типа» более всего ее привлекает диалектика «вечного» и «временного», «общего» и «особенного», изменчивое и подвижное соотношение в нем признаков «инварианта» и «варианта», или, если прибегнуть к терминологии автора диссертации, свойств «типа» и «характера». То, как с течением времени, меняется это соотношение, как в «онегинском типе» формируются новые содержательные смыслы и он вбирает в себя качества в том числе и иных литературных типов (например, фаустианского), при этом сохраняя в себе узнаваемые черты и продуцируя новые, фигурируя в тексте как «знакомый незнакомец», – этот процесс и составляет основу исследовательской интриги, придавая диссертации П.В. Бояркиной подлинный читательский интерес.

Выверенная теоретическая концепция логично приводит соискательницу и к формулировке **новизны** исследования. На с. 3 автореферата читаем: в диссертации предпринята попытка «впервые проследить общую линию преемственности, идущую от европейских источников «Евгения Онегина» к русской литературе XIX века». Важно отметить, что новизна не в последнюю очередь определяется весьма широким диапазоном **материала исследования**. Анализируются произведения писателей как «первого ряда» (Дж. Г. Байрона, Дж. Полидори, Б. Констан, Фр.Р. де Шатобриана, Ч.Р. Метьюрина, Ш. Нодье, Ж.-Ж. Руссо, С. Ричардсона, Л. Стерна и В. Скотта – в европейской традиции; Н.М. Карамзина, А.С Пушкина, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского – в русской), так и авторов «второго ряда» (А. Полежаева, В.К. Кюхельбекера, Ап. Григорьева, А.А. Бестужева-Марлинского, Н.М. Языкова, Н.П. Огарева), а также писателей, чье творчество относится к явлениям «массовой литературы» (И.П. Косяровского, А.А. Башилова, П.Г. Волкова, Е. Воскресенского, Н.Н. Муравьева, А.И. Подолинского, А. Северинова, В. Горкуши, И.Е. Великопольского (Ивелева), Н. Карцова, А.Н. Карамзина, П.В. Кукольника, Н.Н. Федотова, Н. Анордиста (Радостина), Н. Колотенко, О.И. Сенковского, Ф. Вахрушева, М.В. Авдеева). Благодаря такому широкому отбору текстов в диссертации осуществляется основное требование исторической поэтики, сформулированное А.Н. Веселовским: произведения так называемых «второстепенных писателей» наиболее явственно обнаруживают «скелет», «матрицу» «онегинского типа» и подготавливают почву для его последующих литературных трансформаций в творчестве авторов первого ряда, значительно усложняющих и обогащающих его

первоначальные характеристики. Отсюда вытекает и композиционная структура исследования: последовательное чередование в нем параграфов, посвященных авторам первого ряда, и параграфов, посвященных «второстепенным авторам», творчество которых как бы заполняет исторические лакуны между вершинными экспликациями «онегинского типа».

Говоря о новизне исследования П.В. Бояркиной, важно также акцентировать ее пристальное внимание к проблемам поэтики, анализу художественных средств, которыми воссоздается «онегинский тип» в творчестве каждого автора. Анализ «идей времени», которые концентрирует в себе этот тип на каждой стадии своей эволюции, органично дополняется анализом «форм времени». К ним относятся жанровая специфика текстов, особенности повествовательной стратегии, подключение читателя к диалогу автора и героев, композиционная структура произведений, внесюжетные компоненты текста, особенности стиля и строфики – словом, все те формальные компоненты, которые так или иначе закреплены традицией за «онегинским типом». Эволюция последнего неизбежно порождает и эволюцию его поэтики, соответственно, верной будет и обратная закономерность. Анализируя обе эти тенденции в их взаимообусловленности, автор диссертации приходит к продуктивным выводам не только об эволюции «онегинского типа» как такового, но и об эволюции жанровых разновидностей романа, который вместе с богатством всех версий «онегинского типа» вбирает в себя разнообразие всех жанровых форм и новообразований, порожденных художественным освоением этого типа в европейской и русской литературах: элегии, дружеского послания, романтической поэмы, романтической светской и фантастической повести, драматической поэмы и мистерии, а также пародий и пастишей. Таким образом, соискательнице удастся представить картину эволюции «онегинского типа» как своеобразную творческую лабораторию «идей» и «форм» времени, уникальную по своим художественным результатам, еще раз подтверждая мысль М. Бахтина о романе как «неготовом» и «вечно становящемся» жанре.

В диссертации П.В. Бояркиной привлекает ее четко выраженная структурность, продуманность глав и параграфов, соотносящихся с основной мыслью исследования и обозначенными в заключении итогами. Каждая из трех глав посвящена различным стадиям динамики «онегинского типа» в русской литературе, внутри себя завершена и одновременно содержит «мостик», связующий эти стадии, фиксирует момент перехода количественных изменений в качественные, составляющих существо последующего периода.

Во **Введении** охарактеризованы объект, предмет и методология исследования, определены его цели и задачи, дана оценка изученности темы, обоснованы актуальность и научная новизна работы, а также

охарактеризованы ключевые для нее теоретически понятия «типа» и «характера».

В первой главе «Герой пушкинского романа и его литературный генезис» обобщен опыт исследований, посвященных европейскому литературному генезису пушкинского романа и героя, а также дана характеристика «онегинского типа»: перечислены определяющие его черты.

Выявляя европейский генезис «онегинского типа», соискательница не только обобщает разыскания многочисленных комментаторов пушкинского романа (от Н.Л. Бродского до Ю.М. Лотмана, включая авторов новейшей «Онегинской энциклопедии»), но и проводит самостоятельные наблюдения, в чем-то уточняя, в чем-то дополняя труды своих многочисленных предшественников. Главным выводом этой главы становится тезис о «полигенетичности» «онегинского типа». Речь идет о совмещении в Онегине двух типов героев: пассивного, скучающего, рефлектирующего (Чайльд-Гарольд и Дон Жуан Байрона, Адольф Констан, Рене Шатобриана), с одной стороны, и демонического (Мельмот Метьюрина, Жан Сбогар Нодье, лорд Ротвен Полидори, Кливленд В. Скотта), с другой. Кроме того, в Онегине отразились черты героя «старого» сентиментального семейно-бытового нравоописательного романа в письмах (в первую очередь, это романы Ричардсона, Руссо, Гете, Крюденер и Коттен, которыми зачитывается Татьяна). Эти комментаторские усилия приносят свои плоды. Они не только позволяют судить, насколько разнообразна по своим истокам знаменитая «русская хандра» Онегина, которая на поверку оказывается «хандрой» «интернациональной», поликультурной, вбирающей духовный опыт всей европейской литературы, как бы подводящей ей итог (вероятно, в этой «отзывчивости», если вспомнить «слово» Достоевского и заключается ее «русскость»), но также свидетельствуют о том, что и сама эта «хандра» для героев, автора и читателей романа «опознается» в большинстве случаев через отсылки к своим западноевропейским литературным «образцам». Читательский опыт героев заполняет лакуны их жизненного опыта и одновременно формирует его, а жизнь героев обретает формы «жизнетворчества».

Вторым важным выводом первой главы становится тезис о том, что сложность онегинского образа определяется не только одновременной ориентацией на разные сюжеты и разных героев, но и на разные жанры европейской литературы, которые закреплены традицией за типами «рефлектирующего» и «демонического» героев. Тщательное исследование разнообразной жанровой инструментровки позволяет подтвердить тезис М. Бахтина о полифонической природе жанра романа, которая, по мнению соискательницы, в своем классическом виде явлена впервые именно в «Евгении Онегине». Все эти аналитические выкладки позволяют

соискательнице в итоговом параграфе главы дать обобщающую характеристику онегинского типа «в единстве формы и содержания».

Во второй главе «От Онегина к Печорину» автор диссертации подробно исследует механизмы рецепции пушкинского романа и «онегинского типа» в текстах его многочисленных подражателей 1820 – 1830-х годов. Несмотря на несколько работ (прежде всего докторской диссертации Ю.Н. Чумакова и ряда его статей), посвященных этой проблематике, она далеко еще не исчерпана как с точки зрения полноты привлекаемого к анализу материала, так и с точки зрения исследования самого механизма рецепции. Диссертация П.В. Бояркиной восполняет эти лакуны. Привлечение к анализу всех текстов-подражаний «Онегину», во-первых, имеет самостоятельную библиографическую ценность, а, во-вторых, позволяет соискательнице сделать аргументированные выводы о тех аспектах и последовательных стадиях *упрощения* и *выпрямления* классического образца, когда тот попадает сначала в сферу переделок и трансформаций литературы «второго ряда» (поэмы А.А. Полежаева, Е.А. Баратынского, повести А.А. Бестужева-Марлинского), а затем и «массовой литературы» (поэмы И. П. Косяровского, стихотворные тексты А.А. Башилова, Н. Н. Муравьева и мн. др.). Это вхождение, как показывает автор диссертации, окончательно переводит образ Онегина на художественный язык, доступный широкому читателю, и таким способом вводит его в культурный обиход современников и делает уже действительно «узнаваемым» – собственно «героем своего времени». Среди механизмов такой рецепции заслуживают внимания процесс нивелировки жанровой полифонии «Евгения Онегина», сведение его к «достоверности» стихотворной повести, а затем и к собственно повести (так осуществляется переход от жанра «романа в стихах» к малым жанрам прозы) и своеобразное «замещение» образа Онегина образом Ленского как наиболее «понятного» и однозначного для читателей пушкинского времени. Эти наблюдения автора диссертации вносят определенный вклад в решение актуальной проблемы диалога «классики» и «массовой литературы» и имеют общетеоретическое значение.

Продолжая решать эту проблему на материале лермонтовского творчества, П.В. Бояркина исследует уже механизм «обратного» движения (от подражательной литературы – к новой «вершине» классики) и убедительно показывает, как из «массового героя» Онегин вновь превращается в героя «классического», т.е. как совершается на новом витке литературной эволюции процесс «усложнения» типа, как, следуя закону гегелевской триады, из «антитезиса» рождается новый «синтез». И вновь в наблюдениях над тем, как из «разобранного» на отдельные «компоненты» и «детали» Онегина «массовой литературы» складывается качественно новая целостность, заключается подлинный исследовательский интерес рецензируемой диссертации. Заслуживает внимания вывод о том, что в Печорине

восстанавливается, предварительно пройдя сквозь этап подражаний пушкинскому герою (в том числе и в юношеском творчестве самого Лермонтова) «полигенетичная» природа «онегинского типа», только в новом соотношении и в новом качестве ее составляющих. Из двух ее ведущих начал – рефлектирующего и демонического – возобладало именно последнее, что позволило Лермонтову как автору «Маскарада» и «Демона» придать конфликту уже не столько социальное, сколько метафизическое измерение, которое несмотря на внешний, социально-бытовой пласт сюжета отчетливо ощущается и в «Герое нашего времени». Однако автор романа не забывает «взять» от пушкинского героя и «рефлектирующий тип» поведения, однако придает ему уже не столько поведенческую, сколько философско-мировоззренческую установку. Хочется в данном случае подчеркнуть (этот вывод подразумевается в диссертации, но не совсем четко прописывается), что само понятие «рефлексии» в лермонтовском романе резко отличается от «рефлексии» как черты «онегинского типа». Поскольку Лермонтов наделяет это понятие не узко психологическим («отчуждение», «скука», «разочарованность», «равнодушие к жизни») и даже не «психоаналитическим» (в смысле инструмента самопознающей личности), а философским смыслом, в каком, ориентируясь на Гегеля, его истолковал Белинский («это один из величайших моментов духа, переход из непосредственности в разумное состояние...»). Так образуется новое качество «полигенетичности», в котором «демонизм» и «рефлексия» в их тесной взаимообусловленности и образуют то, что мы привыкли называть «печоринским типом».

Третья глава «Онегинский тип в 1840–1880-е годы» прослеживает его литературную судьбу в том же направлении, что и в предыдущих главах: через его адаптацию в литературе «второго ряда» к новым «вершинам» художественной экспликации в классических произведениях А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского. Роль пушкинской традиции в творчестве этих авторов достаточно хорошо изучена, однако и в этой главе автор диссертации делает свои открытия. Скажем о них суммарно.

Удачным представляется анализ сравнительно малоизвестных текстов Н.М. Языкова, Ап. Григорьева и Н.П. Огарева, в которых с исчерпывающей полнотой раскрыты все сюжетные, мотивные и жанровые переклички с «Евгением Онегиным» и вытекающие из них трансформации «онегинского типа». Намеченная в этих текстах прозаизация и сатирическая трактовка типа (в соответствии с эстетическими идеалами 1840-х годов) логично приводит соискательницу к анализу пародийной установки романа М.В. Авдеева «Тамарин», которым завершается процесс «дегероизации» онегинских и печоринских в литературе 1840-х годов.

Одновременно П.В. Бояркина фиксирует и прямо противоположную тенденцию, характерную прежде всего для крупных жанров повести и романа. Обытовление и сатирическая оценка «онегинского» и «печоринского» типов как бы уравниваются в романах Герцена, Тургенева и Гончарова их все более обобщенным и откровенно субъективным истолкованием, свободно варьирующим знакомые признаки или с легкостью добавляющим к ним никогда им несвойственные. Диссертант абсолютно справедливо полагает, что этому процессу способствует постепенное осознание литературным поколением 1850 – 1880-х годов «онегинского типа» как «архаического явления» (если вспомнить базаровскую оценку Павла Петровича), отсюда теряется точность его исторической интерпретации и расширяется поле субъективных, внеисторичных оценок, в которых доминируют уже мировоззренческие критерии совсем другой эпохи. П.В. Бояркина доказательно и последовательно прослеживает механизм рецепции, в результате которой «онегинский тип» превращается в «лишнего человека» Бельтова, а затем эта герценовская характеристика передается по эстафете Тургеневу и Гончарову, создавшим на ее основе свою галерею «лишних людей». Критический итог подобной рецепции автор диссертации справедливо видит в статье Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина?», детально описавшего эту линию преемственности. В конце концов диссертант выдвигает важный в теоретическом отношении тезис о том, что незавершенность «онегинско-печоринского» типа, его открытость для разных интерпретаций и отождествление его с самыми разными, порой далекими от него по смыслу «вечными образами» мировой литературы (например, с Гамлетом и Дон Кихотом – у Тургенева, с Фаустом и Дон Жуаном – у Достоевского) становится осознанной установкой романистов, а свобода в его достраивании – основой для художественного экспериментирования с жанром романа, который в творчестве Тургенева, Гончарова и Достоевского окончательно обретает статус «самого неготового» и «становящегося» жанра. Начав свое исследование с этого тезиса М. Бахтина, автор диссертации логично этим тезисом ее и завершает. Причем П. Бояркина доказывает, что сигналами этого статуса остаются многочисленные отсылки к жанровым показателям «свободного романа» Пушкина-Байрона-Стерна, ставшим к этому времени общими местами русской литературы, как то: вершинная композиция, вытекающие из нее всевозможные «фигуры умолчания» в сюжете, игра с ложными финалами, принцип «болтовни», автобиографизм, создание иллюзии достоверности происходящего, сюжетная линия автора как творца создаваемого текста, «загадочная центральность» главного героя, приковывающая к нему внимание окружающих, и т.д. и т.п. Разумеется, приоритет в создании «полигенетического» (или, по терминологии Бахтина – «синтетического») жанра романа автор диссертации по праву отдает романам Достоевского, второго после Лермонтова автора, вернувшего «онегинскому

типу» его полигенетичную природу (например, парадоксальное совмещение в Ставрогине европейской версии «демонического героя» и отечественной версии «лишнего человека»). Особенно надо выделить качественный анализ линии преемственности героев Достоевского (особенно Версилова и Ставрогина) с Печориным, хотя, если думать о перспективе исследования, поле наблюдений можно и расширить, подключив к нему философский контекст, связанный с типом «подпольного человека» у Достоевского (этой проблеме, в частности, посвящена пионерская статья В.И. Левина «Достоевский, «подпольный парадоксалист» и Лермонтов», опубликованная еще в 1972 г.).

И последнее – обратим внимание на итоговое **Заключение** диссертации. В нем автор демонстрирует четкое понимание перспектив изучения научной проблемы и намечает план, дающий стимул для дальнейшего изучения воплощений «онегинского типа» героя — уже на материале творчества писателей XX века (прежде всего Андрея Белого, Владимира Набокова, Андрея Битова), что свидетельствует в пользу продуктивности столь успешно начатого дела.

Подводя итог, хочется отметить, что все выводы и тезисы проведенного исследования П.В. Бояркиной основаны на тщательном и кропотливом отборе, изучении и анализе художественных текстов, привлекаемых к анализу поставленной проблемы, а также на всестороннем, уважительном и корректном диалоге со своими предшественниками, чьи наблюдения, выводы и замечания нашли отражение в многочисленных сносках к диссертации, а также в библиографии к ней. Это позволяет вынести итоговое заключение о **достоверности и аргументированности** полученных результатов исследования.

Вместе с тем мы полагаем, что эти результаты нуждаются **в ряде уточнений и рекомендаций**, которые не снижают общего благоприятного впечатления от работы.

1. Справедливо уделяя большое внимание европейской традиции в исследовании генезиса «онегинского типа», соискательница, на наш взгляд, недостаточно обращает внимание на традицию национальную (несмотря на то, что с сочувствием цитирует строки Достоевского о том, что это «тип...надолго у нас, в нашей Русской земле, поселившийся» и что «отыскал же он его, конечно, не у Байрона только»). Так, назвав в качестве возможных источников образов Онегина и Ленского повесть Н.М. Карамзина «Чувствительный и холодный», автор диссертации неоправданно забыл хрестоматийную «Бедную Лизу». А ведь сюжет и любовный конфликт этой повести прямо ведут нас к «Евгению Онегину»: это сам образ «скучающего», пресыщенного светскими удовольствиями молодого человека, который ищет обновления души в любви к естественной, деревенской девушке. Близка к пушкинскому роману и

свободная жанровая форма повести: образ автора, который является одновременно и повествователем, и другом героев, активное включение читателя в сюжет повести через прямые обращения к нему, а также все попытки автора придать повествованию иллюзию достоверности (вплоть до мистификации с якобы точным планом местности, приложенным к отдельному изданию «Бедной Лизы»). Думается, нельзя сбрасывать со счетов и «Остров Борнгольм», первую русскую «готическую новеллу», где впервые в образе гревзендского незнакомца дан тип «разочарованного героя» в версии, близкой к будущей байронической поэме (полное отчуждение от мира и ощущение себя мировым скитальцем).

Необходимо также отметить, что многие компоненты формы «свободного романа» (активная роль в сюжете образа автора, провокационная игра с читателями, иронический тон повествования, принцип «болтовни», непринужденной беседы и т.д.) широко представлены национальной традицией жанра ирои-комической поэмы («Душенька» И.Ф. Богдановича, «Елисей.....» В.И. Майкова и мн. др.) и шутовой сказочно-богатырской поэмы («Илья Муромец» Н.М. Карамзина, «Добрыня» Львова, «Бова» самого Пушкина и мн. др.); они же в концентрированном виде представлены в «Руслане и Людмиле», со ссылкой на которую автор представляет Онегина своим читателям уже с первых строк романа. Да, в этих текстах нет ярко выраженного «рефлектирующего» или «демонического» героя, но сами по себе отсылки автора «Евгения Онегина» к тексту своей первой поэмы и к имени Богдановича свидетельствуют о том, что многие компоненты свободной формы пушкинского романа могли формироваться и вне традиции байронической поэмы.

Нам также представляется, что в качестве претекста «Евгения Онегина» гораздо подробнее и более системно мог быть рассмотрен и жанр пушкинской романтической поэмы. Фрагментарные отсылки к пушкинскому опыту в этом жанре в диссертации есть, но он в основном рассматривается как пассивный регистратор и передатчик традиции байронической поэмы. Между тем, в южных поэмах Пушкина мы находим открытия, которые впоследствии органически войдут в художественную ткань «Евгения Онегина» и произведений его многочисленных последователей: это плотность описания «вещественной» среды, связанная с традициями жанра путевых записок и, как следствие, примечания к тексту в качестве первого опыта авторского комментария (в «Кавказском пленнике»); далее, оригинальная, во многом отличная от европейской версии, разработка типа «благородного разбойника» (в «Братьях-разбойниках»); наконец, выдвижение женского персонажа в качестве второго полноправного участника конфликта, на образ которого переносятся признаки байронического «разочарованного» героя (образы Черкешенки и, в какой-то степени, Заремы). Да и сама ситуация «возможности» духовного возрождения героя тоже отчасти задана финалом

«Кавказского пленника» (ср. с «возможными сюжетами» в пушкинском романе). Остается пожалеть, что автор диссертации прошел мимо известной монографии Ю.В. Манна, в которой вышеперечисленные особенности жанра пушкинской поэмы (и не только пушкинской) детально проанализированы.

2. Говоря о «типовых сюжетных положениях», характерных для «онегинского типа», П.В. Бояркина указывает на «участие героя в любовном сюжете» (дисс, с. 55 – 56). Этот тезис, как мы поняли, предполагает, что «онегинский тип» полноценно и до конца раскрывает свои черты именно в ситуации «испытания любовью», что является общим местом всех сюжетов русской литературы, так или иначе наследующих «Евгению Онегину». А этот вывод, в свою очередь, порождает мысль, что эволюцию «онегинского типа» нельзя до конца понять вне контекста эволюции «типа Татьяны» в русской литературе и вне эволюции любовно-философской проблематики целого ряда произведений, в которых она порождается *взаимодействием* этих двух типов. Если взглянуть с этой точки зрения на методологию анализа «онегинского типа» в исследовании П.В. Бояркиной, то она не везде последовательно и в полной мере учитывает этот важный фактор. Если в главах о «Евгении Онегине» и «Герое нашего времени» любовно-философская проблематика и своеобразие женских типов так или иначе учитываются соискательницей, то в главах о «Кто виноват» Герцена, а также при рассмотрении повестей и романов Тургенева, Гончарова «онегинский тип» искусственно изолируется от своего женского визави, а сам женский характер и его морально-этические предпочтения – всякий раз весьма своеобразные, иногда существенно расходящиеся с исходным «типом Татьяны» (при внешних чертах сходства) – не принимаются во внимание. О любовном конфликте говорится либо весьма обтекаемо, в самых общих словах, либо не говорится вовсе (см., например, анализ «Переписки» и «Затишья» Тургенева). На наш взгляд, это приводит исследовательницу к упрощению и искажению выводов об эволюции «онегинского типа». Например, указывается на ряд сходных черт Павла Петровича Кирсанова с Онегиным, но при этом не учитывается, что все онегинские черты, вплоть до «омертвевшей» души, порождены у Павла Петровича уже не столько социально-культурными условиями времени и воспитания («архаическое явление», либерал 1840-х годов), сколько философским, условно говоря – «шопенгауэровским» контекстом любовной проблематики многих повестей и романов «странного Тургенева». И именно этот *вневременной* контекст позволяет в финале «Отцов и детей» сблизить Павла Кирсанова не только с его антагонистом Евгением Базаровым, героем другой эпохи, пережившим похожую любовную драму, но и самим автором, для которого любовный конфликт романа во многом носит автобиографический смысл.

3. В заключение скажем о недоработках и пропусках в исследовании творчества писателей «второго ряда», которому уделяется такое серьезное

внимание в диссертации. Так, в третьей главе, указывая на важную роль пародий и пастишей на «печоринство», появившихся в 1840-е годы, автор диссертации рассматривает роман М.В. Авдеева «Тамарин». Не оспаривая важного значения этого текста в русле рассматриваемой тенденции, позволим себе заметить, что пастешем Авдеева она не исчерпывается. К ней можно было бы подключить такие произведения, как повесть Вл. Соллогуба «Большой свет» (1840), повесть С.А. Бурачка «Герои нашего времени» (1845), роман А.Ф. Писемского «Боярщина» (1846), его же повесть «Тюфяк» (1850), повесть Н.В. Станкевича «Иппохондрик» (1848), повесть А.Д. Галахова «Кукольная комедия» (1847) и др. Частично эти тексты проанализированы в кандидатской диссертации Т.Б. Яковлевой (2001), посвященной беллетристике М.В. Авдеева. Все перечисленные произведения так или иначе фиксируют окончательное выпадение «онегинства» и «печоринства» в быт, в массовое явление культуры, где их ждет неминуемое нравственное банкротство.

Хотелось бы также обратить внимание соискательницы на пародийный роман в стихах Д. Минаева «Евгений Онегин нашего времени» (1865), в котором герой «был по Базарову скроён», а вся проблематика и сюжетика, включая образы Онегина, Ленского и Татьяны, были разработаны с учетом контекста традиции антинигилистического романа и «Отцов и детей» Тургенева. Этот текст, где автор, по его собственным словам, «классический роман подверг цинической поверке, перекроил по новой мерке и перешел на новый лад», мог бы составить хороший фон для объяснения трансформации «онегинского типа» в романах Тургенева, Гончарова и Достоевского.

Еще раз оговоримся, что все эти замечания не подвергают сомнению саму концепцию диссертации и ее основные положения. Они носят уточняющий, продуктивно-критический и рекомендательный характер.

В целом, П.В. Бояркиной было представлено основательное и самостоятельное диссертационное исследование, опирающееся на авторитетную теоретико-методическую основу, в котором успешно решены все заявленные задачи. Это позволяет констатировать, что диссертация соответствует всем требованиям, предъявляемым к подобного рода квалификационным работам. Ее результаты, несомненно, найдут **практическое применение** в вузовской практике преподавания русской и зарубежной литературы, при подготовке учебных пособий, а также при комментировании сочинений русских классиков.

Диссертация П.В. Бояркиной прошла необходимую **апробацию**. Основные положения работы отражены в ряде выступлений автора на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях, а также в четырех публикациях, три из которых в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ.

Автореферат и публикации автора полностью соответствуют содержанию и структуре диссертации и отражают ее основные положения.

Представленная к защите диссертация П.В. Бояркиной «Онегинский тип: литературная эволюция» полностью отвечает критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в соответствии с пунктами 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденных постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года, № 842, а ее автор, Полина Викторовна Бояркина, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук (10.01.01 – русская литература), доцентом Сергеем Вениаминовичем Сапожковым и утвержден на заседании кафедры русской классической литературы Института филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» (6 июля 2020 года, протокол № 8).

Чернышева Елена Геннадьевна,
доктор филологических наук, доцент
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Московский педагогический
государственный университет»,
Институт филологии,
профессор кафедры русской классической литературы,
заведующий кафедрой

Контактные данные: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Адрес: 119991, Москва, Малая Пироговская, д.1, стр.1

Тел.: +7 (499) 245-03-10;

Кафедра русской классической литературы

тел. 8 (499) 246 57 12

эл. почта: ruslit19@yandex.ru

С работами сотрудников кафедры можно ознакомиться на сайтах:
<http://elibrary.ru/defaultx.asp>; <http://istina.msu.ru/>; <http://мпгу.рф/ob-mpgu/struktura/biblioteka/elektronnyie-resursyi/>.